

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

© 2003 г. В. В. Знаков

Доктор психол. наук, профессор, зам. директора ИП РАН, Москва

Обосновано, что А.В. Брушлинский разработал целостный, оригинальный и сформированный вариант психологии субъекта. Принципиальная новизна психологии субъекта заключается главным образом в трех основных положениях: в значительном расширении представлений о содержании *активности* как фактора детерминации психики; в переходе от микросемантического к *макроаналитическому* методу познания психического; в целостном системном характере исследования *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта. Показано, что психология субъекта является методологической основой эмпирических исследований проблем понимания человеческого бытия: различения парадигматического и нарративного способов понимания мира; анализа роли самопонимания, самопознания, рефлексии субъектов общения в формировании взаимопонимания; субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний и психологических особенностей партнеров в межличностном общении.

Ключевые слова: А.В. Брушлинский, психология субъекта, субъект-субъектные и субъект-объектные типы взаимодействия, взаимопонимание, самопонимание, психология человеческого бытия

Сегодня в российской психологической науке категория субъекта играет системообразующую роль: вряд ли кто-то из современных психологов возьмет на себя труд опровергать это утверждение. История конкретно-научного анализа проблемы субъекта восходит к началу XX в. Почему же тогда именно в последнее десятилетие названная категория приобрела для нас совершенно особое значение, а многочисленные теоретические и эмпирические исследования породили новую область знания – “психологию субъекта”?

Ответ на этот вопрос следует искать не только в логике развития научного познания, но и в индивидуально-психологических особенностях работающих в этом направлении ученых. Их характеризует устойчивый интерес к проблеме, ясное осознание научных позиций, страстное стремление доказать собственную правоту оппонентам и желание привлечь на свою сторону все больше новых сторонников. Таким психологам присуща убежденность в интегративном характере категории “субъект”. Они считают, что в ней воплощено всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее целостность всех его качеств: природных, индивидуальных, социальных, общественных.

В науке разрозненные факты, эмпирические данные и теоретические концепции объединяют в границах единой научной области конкретные люди. Как правило, они отличаются профессиональной эрудицией, глубиной ума, умением тео-

ретически мыслить. В “психологии субъекта” бесспорным лидером и одним из ее основателей был Андрей Владимирович Брушлинский. Об этом свидетельствует не только впечатляющее количество его выступлений, докладов, статей, написанных и отредактированных им коллективных и индивидуальных монографий по проблеме психологии субъекта [4–10]. Главная тема его научных работ последнего десятилетия оказалась в значительной мере завершенной, доведенной до некоторой логической точки. Андрей Владимирович разработал целостный, оригинальный и вполне сформированный вариант психологии субъекта. Брушлинский не просто развивал субъектно-деятельностный подход, копируя и продолжая идеи своего учителя С.Л. Рубинштейна. Он несомненно сделал принципиально новый шаг в этом направлении, описав научные основы психологии субъекта.

Принципиальная новизна, по моему мнению, заключается главным образом в трех основных положениях. Во-первых, в переходе от микросемантического к *макроаналитическому* методу познания психического; во-вторых, в значительном расширении представлений о содержании *активности* как фактора детерминации психики; в-третьих, в целостном системном характере исследования *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта.

Цель статьи – показать, что психологию субъекта сегодня следует рассматривать как методологическую основу конкретных эмпирических исследований, в частности, проблем понимания человеческого бытия.

Для реализации этой цели вначале я обосную приведенное выше утверждение о трех основных положениях психологии субъекта.

1. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой человек противопоставляется дискретным отдельным объектам, событиям и ситуациям реальной действительности. Противоречие устраняется путем признания неизбежно для любого научного познания мира (учитывающего взаимодействие субъекта с объектом) включения познающего в познаваемое. С такой точки зрения, объективная ситуация включает в себя воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. «Воздействие любой “объективно” стимулирующей ситуации зависит от личностного и субъективного значения, придаваемого ей человеком. Чтобы успешно предсказать поведение определенного человека, мы должны уметь учитывать то, как он сам интерпретирует эту ситуацию, понимает ее как целое» [20, с. 46].

Объективные процессы развития научного познания в психологии XX–XXI вв. были направлены как на дифференциацию разных областей психологической науки, так и на их интеграцию. Тенденция к дифференциации характеризует развитие не только психологии: по этому пути идут все фундаментальные науки, и степень их дифференциации является показателем прогресса научного знания. В психологической науке эта тенденция наиболее отчетливо проявлялась в 1960–1970 гг., когда происходило интенсивное формирование инженерной, социальной, педагогической, юридической и других отраслей психологии. В то время интеллектуальные усилия ученых были сфокусированы скорее на изучении отдельных сторон психики человека (памяти, мышления, свойств личности), чем на стремлении понять ее как системно организованное целое.

В конце XX в. ситуация изменилась: в науке стало явно преобладать стремление к целостности, осознание психологами того, что анализ разнообразных психологических феноменов должен гармонично сочетаться с их синтезом. Соответственно, наше время характеризуется все возрастающим интересом психологов к комплексным, системным проблемам и усложнением методов их анализа. Примером может служить психосемантика, которую уже невозможно представить без различных компьютерных вариантов математи-

ческой обработки данных [18]. Комплексные, системные проблемы побуждают ученых рассматривать анализируемые психические феномены не только под углом зрения исследования их отдельных сторон, признаков, характеристик (такая традиция наиболее отчетливо воплощается в экспериментальной когнитивной психологии). Комплексные проблемы нужно описывать как нечто единое, феноменологически целое (это больше соответствует экзистенциально-гуманистическому подходу).

Проблемы, на которые сегодня обращается наиболее пристальное внимание, непосредственно связаны с традиционной для психологии постановкой вопроса об основных единицах анализа психического. Объективные обстоятельства и методы, с помощью которых исследователи узнают что-то новое о человеческой психологии, существенно изменяют научные представления о “единицах психики”. В разные исторические периоды единицами анализа психики выступали ощущение, рефлекс, действие, отношение, значение и т.п. Современный этап развития психологической науки дает основание считать, что в качестве единиц психики следует рассматривать более интегративные образования, основанные на трансформации структур индивидуального опыта человека. Примером могут служить события [2] и ситуации [20]. Сегодня ученым стало ясно, что любая ситуация включает в себя воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. Иначе говоря: взаимодействие субъекта с объектом фактически приводит к включению познающего в познаваемое. Человек парадоксальным образом и противопоставляется как нечто внешнее объективным обстоятельствам своей жизни, и сам является их внутренним условием. Субъект не только пассивно фиксирует, понимает природные и социальные ситуации, но и пытается активно воздействовать на них. Вследствие этого он преобразует не только мир, но и себя в мире.

Естественно, что изменение научных представлений о единицах психики не могло не сказаться на методах ее исследования. Хорошо зарекомендовавшие себя микросемантический, микрогенетический и другие приемы микроанализа психики сегодня необходимо дополнить макроаналитическим методом познания психического. Используя в исследовании этот метод, психолог вычленяет в качестве единиц анализа психического такие интегративные образования, которые отражают обобщенные схемы трансформированного в течение жизни индивидуального и коллективного опыта человека. В этом случае тщательный анализ отдельных сторон психики субъекта (ощущений, состояний и т.п.) оказывается для исследователя далеко не главной задачей.

Прежде всего его интересуют такие целостные фрагменты человеческого бытия, в которых представлены процессы и результаты субъектно-объектных и субъект-субъектных взаимодействий: события, ситуации – общения учителя с учеником, руководителя с подчиненным, психотерапевта с пациентом.

Нет ничего удивительного в том, что именно Брушлинский стал одним из первых психологов, проявивших повышенный интерес к макроаналитическому методу познания психического. Приведу только две причины.

Во-первых, такой подход дал Андрею Владимировичу возможность под иным углом зрения (отличным от предыдущих исследований, например, решения мыслительных задач методом микросемантического анализа) взглянуть на фундаментальные проблемы, занимавшие его в течение всей жизни.

Во-вторых, пристальное внимание Брушлинского к макроаналитическому методу познания психического вообще соответствует его научному онтогенезу. Вся его жизнь в науке и особенно последнее десятилетие творческой биографии характеризовались стремлением к изучению целостной, единой психики человека: сложных действий с объектами, нравственных поступков, гуманистической направленности личности и т.п. Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений человеческой психологии – духовности, нравственности, свободы, гуманизма.

Андрей Владимирович отличался широтой взглядов и мастерством применения ключевых идей психологии субъекта для объяснения многих социальных и политических явлений. Несомненная заслуга Ученого заключается в том, что он сумел показать значимость результатов, казалось бы, сугубо академических исследований для объяснения процессов, происходящих в современной России. Его работы насыщены рассуждениями о возникновении в сознании россиян как субъектов собственной жизни таких ценностей, как свобода, демократия, права личности, частная собственность.

Он считал, что гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, духовной деятельностью человека. И наоборот: большое значение придавал бездуховной антисубъектной сущности тоталитаризма, авторитаризма, манипуляций человека человеком и государства – общественным сознанием. Соответственно, он все чаще задумывался о сходстве и различии субъектно-деятельностного подхода с гуманистической психологией. В последние годы Андрей Вла-

димирович в своих работах упоминал К. Роджерса и А. Маслоу, проявлял несомненный интерес к трудам Дж. Бьюджентала, И. Ялома и других классиков экзистенциального направления в психологии и психотерапии.

2. По сравнению с “классическим” рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики. Брушлинский субъектом называл человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности: “Важнейшее из всех качеств человека – быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов” [6, с. 30].

Целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще *всех* видов его активности. Помимо бесспорно деятельностных оснований (напомню, что Андрей Владимирович любил повторять выражение из “Фауста” И.-В. Гете: “Вначале было дело”) в психологии субъекта уделяется значительное внимание и другим проявлениям человеческой активности: общению, созерцанию, бессознательной психической жизни – видениям и переживаниям во время сна и т.д.

Для психологии субъекта проблема активности является одной из главных, она оказывается тем камнем преткновения, с которым сталкиваются все участники дискуссий о специфике субъектных проявлений личности и индивидуальности. Наиболее важный аспект проблемы формулируется в вопросе: “Только ли в случае сознательной активности можно говорить о человеке как о субъекте?”. Вот как отвечает на него А.В. Брушлинский: “Для человека как субъекта сознание особенно существенно, потому что именно в ходе рефлексии он формирует и развивает свои цели, т.е. цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности. При этом он осознает хотя бы частично некоторые из своих мотивов, последствия совершаемых действий и поступков и т.д. Вместе с тем человек остается субъектом – в той или иной степени – также и на уровне психического как процесса и вообще бессознательного. Последнее не есть активность, во все отделенная от субъекта и не нуждающаяся в нем. Даже когда человек спит, он в какой-то (хотя бы минимальной) мере – потенциально и актуально – сохраняется в качестве субъекта, психическая активность которого в это время осуществляется весьма энергично на уровне именно бессоз-

нательного (например, в форме сновидений), но без целей, рефлексии и произвольной саморегуляции в их обычном понимании. Столь специфическая разновидность активности в принципе существует лишь потому, что до того, как она началась (т.е. до засыпания), человек был “полноценным” субъектом деятельности, общения и созерцания, и только потому он продолжает во сне свою психическую жизнь в форме очень своеобразных видений и переживаний. Но сама деятельность субъекта (практическая и теоретическая) в строгом смысле слова невозможна, когда человек спит, хотя психическое как процесс продолжает формироваться в это время весьма активно. Вот почему гипнопедия (обучение в период естественного сна) наталкивается на принципиальные трудности” [4, с. 20–21].

Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Ученый внедрял в психологическое сообщество мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса являются способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.

3. То, что к концу жизни для Андрея Владимировича основным предметом его научных размышлений стала именно описанная выше проблемная область, не удивительно: в психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований. С методологической точки зрения можно утверждать, что он разрабатывал психологию субъекта как целостную и системную область психологического знания. На уровне конкретно-психологических исследований, представленных в разных публикациях Брушлинского, это проявлялось в осознанном выделении им структурного, динамического и регулятивного планов анализа психологии субъекта. При этом наибольшее внимание он уделял двум главным проблемам: *критериям субъекта и разнообразию видов человеческой активности*.

Динамический план анализа психологии субъекта. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т.п. “Первый существенный критерий становления субъекта – это выделение ребенком в возрасте 1-2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими значениями

слов. Следующий наиболее важный критерий – это выделение детьми в возрасте 6-9 лет на основе деятельности и общения *объектов* благодаря их обобщению в форме простейших *понятий* (числа и т.д.)” [9, с. 12–13].

Брушлинский рассматривал проблему критериев прежде всего в *динамическом* плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности – познания, действия, созерцания, индивидуального развития (как особого качества способа подлинно человеческого существования). Неудивительно, что он ценил, часто обсуждал и цитировал работы Е.А. Сергиенко о ранних этапах развития субъекта [21].

Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т.п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого, опираясь на логику рассуждений Андрея Владимировича и анализируемые им социальные и иные области проявлений человеческой субъектности к названным выше следует добавить еще по меньшей мере два критерия.

Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения.

Четвертый критерий – развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающие человеку взгляд на себя со стороны. В отличие от остального сущего человек всегда соотносен со своим бытием. Соотнесенность проявляется прежде всего в направленности познавательной, этической и эстетической активности взаимодействия людей не только друг на друга, но и на себя. Именно рефлексивное отношение каждого из нас к себе наиболее рельефно выражает отношение к бытию. Способность к рефлексии, направленной на себя, – ключ к превращению человека в субъекта. Субъект – это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь

на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Структурный план анализа психологии субъекта. Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта представляет собой *структурный* план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б.Ф. Ломов), созерцание (С.Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б.Г. Ананьев). Я согласен с В.А. Лабунской, которая считает, что «перечисленные выше характеристики субъекта наиболее органично соединены в определении, которое было дано А.В. Брушлинским. Свое определение субъекта он построил на основе анализа идей С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева и др. Субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как «преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида». Этот параметр субъекта позволяет любого человека квалифицировать в качестве субъекта, имеющего характерный для его уровня развития вид, качество, форму, способности, средства преобразовательной активности» [16, с. 35].

В человеческом бытии разнообразные виды активности реализуются прежде всего в совокупности отношений человека к природе, себе и другим людям. Как полагает К.А. Абульханова, раскрывать психологическую природу субъекта надо через совокупность его отношений к миру. С этой позиции, субъект – это специфический способ организации, качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием своих желаний, потребностей и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, личность приобретает новое качество отношений к миру, дающее психологу основание говорить о ней как о субъекте деятельности [1].

Андрей Владимирович, во-первых, не во всем соглашался с такой точкой зрения: «Субъект – это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность, – напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение че-

ловеческого индивида» [8, с. 17]. Во-вторых, он не сводил активность субъекта исключительно к деятельности: проявление сознательной и бессознательной активности в поведении, формирование политической воли, рост духовности – все использовалось им в качестве аргументов для обоснования субъектной сущности людей.

Регулятивный план анализа психологии субъекта. Регулятивная сторона исследований формирования и развития человека как субъекта неразрывно связана с проблемой детерминации психики. По Брушлинскому, в человеческой психике не только отражается действительность. Формируясь во взаимодействии субъекта с объектом, психика представляет собой высший уровень *отражения* действительности и потому высший тип *регуляции* всей жизни человека. Психика служит для регуляции деятельности, общения, созерцания и т.п. «На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром всё психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, социальной, индустриальной, управленческой и т.д.» [7, с. 7].

На уровне конкретно-психологических исследований, например мышления, регулятивные аспекты психики Андрей Владимирович чаще всего обсуждал в связи с проблемой обратных связей. Не случайно целая глава его последней монографии называется «Субъект деятельности и обратная связь» [10]. В более широком контексте, имеющем прямое отношение к методологии психологического знания, проблема регуляции рассматривалась им с учетом объективного разнообразия законов природы и общества.

Современное научное познание направлено на выявление двух основных типов закономерностей, определяемых двумя группами законов. Первая группа законов – это законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и в силу необходимости происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объ-

ективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения. Вторая группа – законы, представляющие собой регулирующие механизмы и предписывающие, как именно должны происходить те или иные процессы (чаще всего в мире человека). По своей сути они отражают законы долженствования, нормы – моральные, социальные, юридические и др. Например, моральное долженствование, по В. Франклу и С.Л. Рубинштейну (морально-нравственный императив, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим), лежит в основе психологии человеческого бытия [13].

Нормативно-регулятивные установления не могут быть истинными или ложными. Более корректно их следует называть правильными или неправильными (с точек зрения разных людей). Оценка правильности–неправильности осуществляется путем соотнесения знания не с критериями истинности, а с ценностями, принимаемыми и отвергаемыми различными социальными группами. Примером ценностно-нормативного регулятора является понятие красоты в искусстве. Применительно к неодинаковым для разных исторических периодов, стран и народов критериям красоты, в частности женской, понятие истинности фактически теряет смысл. В каком смысле мы можем говорить об истинности “Мадонны” Рафаэля или “Казначейши” Тропинина? В таких случаях признание изображенной художником на полотне женщины красивой или нет зависит от специфики ценностных представлений о красоте, имеющих у зрителя.

Очевидно, что законы первого типа легче обнаружить в естественных науках, в то время как второго – в гуманитарных и общественных. Что касается научной психологии, то, как известно из работ Б.Г. Ананьева, Ж. Пиаже и других ученых, по своей сути она представляет собой неразрывное единство естественнонаучного, социального и гуманитарного знания. Такой же точки зрения на психологию придерживался и Андрей Владимирович. В проблеме детерминизма, как ее понимал и неоднократно описывал Брушлинский, отражается одновременно и естественнонаучный, и социально-гуманитарный характер психологической науки.

По мере формирования и развития психологии субъекта проблема регуляции поведения, деятельности и т.п. приобретала новое смысловое значение. Учитывая двойственность законов, которые детерминируют развитие психики субъекта, ученым все чаще приходилось задумываться над тем, что представляет собой тот мир, в котором живет современный человек. В XX веке, например, некоторые поэты стали утверждать, что “поэзия не следует за действительностью. Она в

какой-то мере формирует язык, а язык формирует действительность. Поэзия в какой-то мере называется первичной, а действительность, по-видимому, вторичной” [11, с. 28]. Другая сфера нашей жизни, по отношению к которой Андрей Владимирович проявлял явный интерес, – виртуальная реальность, Интернет. Можно ли считать исключительно плодом фантазии писателя В. Пелевина [17] выход героев компьютерных игр в реальную действительность игроков? Иначе говоря, можно ли утверждать, что реальный мир субъекта, играющего в компьютерную игру, отделен “стеклянной стеной” от мира героя, преодолевающего одно препятствие за другим и переходящего с одного уровня сложности взаимодействия с миром на другой? А на какие законы следует ориентироваться при описании так часто обсуждаемых Брушлинским феноменов свободы и духовного Я познающего мир субъекта? В работах Андрея Владимировича нам открываются не только попытки поставить эти вопросы, но и оригинальные способы их решения.

Важнейшим в этом плане является ответ на фундаментальный для теории познания вопрос: что первично – бытие или сознание? В публикациях последних лет Брушлинский неоднократно повторял, что по отношению к двум крайностям (дух или материя, сознание или бытие) существует более перспективный “третий путь” в решении фундаментальной общей проблемы детерминизма психики человека. Это субъектно-деятельностная теория, разработанная С.Л. Рубинштейном и его учениками (одним из самых талантливых и последовательных среди них был А.В. Брушлинский). С позиций данной теории нет альтернативы: психическое или бытие, существующие сами по себе. Субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, – вот та “точка схождения” идеального и материального, в которой реально осуществляется детерминация поведения и развития психики. “Для данной теории не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю” [5, с. 17]. Очевидно, что такое решение проблемы детерминизма основано на осознанном принятии тезиса о включении познающего в познаваемое. Иначе говоря, речь идет об изучении субъекта как неотъемлемой части воспринимаемой, понимаемой и оцениваемой им объективной ситуации. Так же очевидно и то, что в идее “третьего пути” потенциально заключена возможность такого описания детерминации различных психических феноменов, которое построено на учете непротиворечивого взаимодействия и диалектической связи законов первого и второго рода.

Итак, по моему мнению, все сказанное выше убедительно свидетельствует о том, что психоло-

гия субъекта представляет собой сформировавшуюся область психологического знания, обладающую довольно ясно очерченными контурами, проблемами, методами их решения и теоретико-методологическими основаниями. Психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъектно-деятельностного похода школы С.Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами древа познания (такие, как психология человеческого бытия [13]). Сегодня есть все основания утверждать, что психология субъекта уже обрела методологический статус: ее следует рассматривать в качестве методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия. Среди них центральное место занимает круг проблем, связанных с пониманием субъектом мира и себя в мире.

Проблемы психологии понимания человеческого бытия. Я кратко рассмотрю только три из них, – наиболее значимые в контексте статьи.

Во-первых, проблему различения парадигматического и нарративного способов понимания мира. С точки зрения психологии субъекта, в этой проблеме наиболее отчетливо воплощается взаимодополнительный характер микро- и макроанализа психического, а также регуляции реальных ситуаций человеческого бытия законами и первого, и второго типов.

Во-вторых, проблему направленности активности субъектов общения на себя: психологического анализа роли самопонимания, самопознания, рефлексии в формировании взаимопонимания. Исследование этой проблемы актуально прежде всего в связи с тем, что рефлексивность, обращение внимания на основания своего бытия вообще является одной из главных психологических особенностей человека как субъекта (см. выше о четвертом критерии субъекта). Психологические процессы самопознания и самопонимания не только дают человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, какой он есть и что с ним происходит. Обращенность на себя, свою сущность, с одной стороны, неизбежно приводит к выявлению психологической неоднородности и даже противоречивости последней. С другой стороны, результатом самопознания, самопонимания является не только разрешение противоречий: они парадоксальным образом способствуют возрастанию целостности и гармоничности психологических проявлений человека как субъекта.

В-третьих, проблему субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний и психологических особенностей партнеров в межличностном общении. Теоретическим основанием этой проблемы является положение

С.Л. Рубинштейна о том, что психологическая природа субъекта наиболее полным образом раскрывается через такую совокупность его отношений к миру, которая включает признание права других людей на автономность, уникальность, независимость – субъектность. В психологии субъекта эта проблема трансформировалась как в поиски истоков духовности людей, так и в выявление бездуховной антисубъектной сущности тоталитаризма, авторитаризма, манипуляций человека человеком.

В последние годы у многих психологов наблюдается смещение фокуса научных интересов из когнитивной плоскости анализа психических явлений в экзистенциальную. Описывая две названные плоскости, известный американский психолог Дж. Брунер отмечает, что есть два основных типа понимания мира.

Первый он называет *парадигматическим*, основанным на непосредственном восприятии окружающего мира. Приверженцы этого способа для понимания своего опыта ориентируются на логичность рассуждений и результаты строгих эмпирических исследований. Такие люди говорят только то, что знают, и стараются высказывать именно то, что имеют в виду. Они ищут определения причинно-следственным связям, чтобы узнать порядок происходящих событий и иметь возможность контролировать реальность. Они не приемлют неопределенности: любую теорию подвергают проверке и если она впоследствии доказана, то, следовательно, является истинной.

Второй способ понимания Брунер называет *нарративным* (повествовательным). В этом случае мы имеем дело с человеческими желаниями, потребностями, целями. По сути, это формы рассказов, в которых люди описывают превратности человеческого бытия. Нарративный способ понимания мира и себя в мире предполагает, что человек всегда потенциально способен сказать больше, чем осознает. Повествование – это всегда процесс, в ходе которого люди пытаются понять и выразить такие связи событий, которые приобретают субъективную значимость только во время рассказа [25].

Парадигматический и нарративный способы познания и понимания мира явным образом указывают на факт существования реальностей, соответствующих двум группам законов: отражаемой людьми и порождаемой ими. Естественно, что отражение невозможно без порождения психических новообразований, так же как мысленное конструирование и реконструирование нового подчиняется законам материального мира. Однако Брунер делает парадоксальный вывод о том, что “две обсуждаемые перспективы представля-

ют два несопоставимых подхода к развитию. Одна рассматривает знание в свете его универсальной и неотъемлемой валидности и проверяемости; для другой знание – частное, конкретное, определяемое контекстом. Говоря классическим языком, один подход изучает мысль в ее номотетическом и объяснительном проявлении, другой – в идиографическом и интерпретативном” [3, с. 10]. Он полагает, что “два эти подхода представляют собой два принципиальных, несоизмеримых пути обретения человеком знания о мире – и посредством подтверждения универсальной логической необходимости, и посредством объяснительной реконструкции соответствующих обстоятельств” [там же].

Иным образом два названных подхода интерпретируются в психологии субъекта и психологии человеческого бытия: не как несовместимые и противоположные способы понимания мира, а, наоборот, как взаимодополнительные и взаимозависимые. Процесс мышления понимающего субъекта направлен на познание причинно-следственных связей объективной реальности и поиск истины. Вместе с тем он направлен и на конструирование субъективного опыта, порождение и развитие индивидуального смысла событий, происходящих с человеком. Парадигматический способ дает субъекту возможность видеть в окружающем его мире проблемы и задавать *информативные* вопросы, полезные для их решения. Нарративный подход ориентирован на выявление целостных ситуаций человеческого бытия: субъект задает себе и другим *смыслопорождающие* вопросы, направленные на развитие историй.

В психологии нарративная парадигма является конкретным выражением макроаналитического метода познания психического (недаром Андрей Владимирович благодарил меня за совет приобрести книгу по нарративной терапии “Конструирование иных реальностей” [22]). Нарративный подход ориентирован на выявление психологических особенностей интерпретации людьми разных, в том числе порождаемых, конструируемых социальных реальностей. В качестве типичного примера социальных реальностей можно привести целостные ситуации человеческого бытия, отраженные в историях о своей жизни, которые люди рассказывают друг другу. Главная задача интерпретации – описание способов воздействия реальностей на формирование жизненных смыслов людей. Разумеется, любая социальная реальность объективна и потому интерпретация не может быть произвольной: она опирается на факты и достоверное истинное знание. Однако центральным в нарративном подходе все-таки оказывается не категория истины, а понятие смысла.

В мире человека конструируемые реальности представлены в основном жизненными историями, которые люди рассказывают, интерпретируя, познавая, развивая их содержание и приписывая им смысл. Осмысливаемые истории дают человеку возможность понять себя не как объект, а осознать *изнутри*, с точки зрения смысла своего существования: история всегда в явном или скрытом виде включает рассказывающего ее субъекта.

В нарративной психологии учеными проводится аналогия между пониманием текста и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни. По мнению Е. Тршебински, нарративный подход может помочь ученым унифицировать Я-концепцию как систему знаний, верований, мнений и убеждений. В его рамках можно интегрировать классические понятия “*me*” и “*self*” в единой модели ментального опыта. Такая модель деятельно регулирует процессы самопонимания, принятия решений и деятельности [26]. Самопонимание в нарративной психологии рассматривается как создание “текста” о самом себе, непрерывная самоинтерпретация, самоистолкование [24]. Основной вопрос при этом заключается в том, каким образом человек взаимодействует со своим опытом во время рассказа о нем.

В основании нарративной психологии лежит положение о том, что все люди по своей природе являются рассказчиками: рассказ присутствует во всех видах устного общения и творчества. Рассказывая о себе, своем поведении, поступках, субъект выделяет в жизненном потоке и по-новому видит события своего прошлого. В результате он их оценивает и придает им определенный, соответствующий данному времени и месту смысл.

Неудивительно, что некоторые ученые, в частности, Д. МакАдамс считают, что мы рождаемся с “повествующим разумом” [25]. Рассказы создают историю, связывая людей во времени как участников событий, рассказчиков и слушателей. Рассказы подробно повествуют о том, что случилось, где и когда. Тем самым реконструируются прошлые события, воссоздается история, образно говоря, рисуются картины человеческого бытия. Рассказы учат нас, и с их помощью мы учимся жить и действовать, они организуют ход наших мыслей, способствуют психологическому совершенствованию и зрелости, помогают общению с другими людьми.

Таким образом, для психолога истории, ситуации оказываются единицами макроанализа, включающего и конструктивное описание событий, из которых состоит история, и самого “конструктора” – рассказчика. Для понимающего

субъекта история – это способ, которым он осмысливает жизнь, выстраивает свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. Пересказ субъектом истории, переосмысление ее составляющих (событий и собственных реакций на них) способствует углублению самопонимания и личностному развитию. К такому эффекту приводит соединение актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотношения опыта с новой пространственной и временной ситуацией.

Новая, иногда альтернативная, интерпретация истории приводит и к иному ее пониманию. Повествование всегда одновременно адресовано не только себе, но и другим людям. Вследствие этого новое понимание субъектом пересказываемой истории приводит к изменению его взаимопонимания с тем, кому он рассказывает. Ведь для того, чтобы достичь взаимопонимания, необходимо не только расширить с помощью пересказа свой опыт, углубить самопонимание, – нужно еще суметь посмотреть на историю с другой точки зрения, встать на позицию другого человека.

В психологии человеческого бытия взаимопонимание рассматривается как комплексный феномен. Он состоит, по крайней мере, из четырех компонентов. Динамика формирования взаимопонимания в общении основана на диалектической взаимосвязи процессов рефлексии и антиципации (обращенности в прошлое и будущее).

Во-первых, взаимопонимание – это согласование индивидуальных точек зрения на объект понимания – природного явления, социального события, обсуждаемой темы и т.п. Объектом понимания всегда является и фрагмент предметного или виртуального мира с присущими ему закономерностями развития, и субъективное отражение фрагмента. Психологическая специфика отражения определяется индивидуальной структурой личностного знания, с которой соотносится понимаемое, рефлексией этого знания, сопровождающейся погружением в глубины своего жизненного опыта.

Во-вторых, взаимопонимание обязательно включает понимание себя. Не только взаимопонимание, но и вообще любое понимание одновременно является и самопониманием. “Понимая нечто, субъект понимает самого себя и, лишь понимая себя, способен понять нечто” [19, с. 264]. Рассказывая историю партнеру по общению, понимая в диалоге новые грани ее смысла, субъект одновременно углубляется в себя и выходит за пределы своего внутреннего мира. Он обращается к содержанию ответных реплик и психологических особенностей другого человека, вступая с

ним в диалог. Диалогическое понимание возникает в точке пересечения ценностно-смысловых позиций субъектов общения. Оно осуществляется в двух направлениях и основано на диалектической взаимосвязи процессов рефлексии и антиципации.

В-третьих, обсуждаемый феномен включает понимание психологии партнера по общению. Понимание субъектом другого – это понимание целей, мыслей, личностных черт партнера, а также социальных нормативов и этических принципов, которые он реализует в конкретной коммуникативной ситуации.

Наконец, в-четвертых, социально-рефлексивный компонент взаимопонимания: представления субъекта о том, что думает, чувствует, переживает партнер по общению и как он понимает его.

В психологии человеческого бытия, одним из главных методологических оснований которой является психология субъекта (второе основание составляют идеи В. Франкла и других ученых [13]), большое внимание уделяется анализу влияния на формирование взаимопонимания субъект-субъектных и субъект-объектных типов взаимодействия между партнерами по общению. Очевидно, что вряд ли следует называть субъектом человека, занимающего в общении монологическую позицию: не слушающего другого, не признающего за ним права на собственное мнение и, в общем-то, совершенно не заинтересованного в принятии и понимании его как равноправного коммуникативного партнера. Психологические эксперименты свидетельствуют о реальном существовании таких людей: показательным примером является монологическое субъект-объектное понимание инструментальной правды. Противоположный, диалогический субъект-субъектный тип понимания высказываний в диалоге демонстрируют испытуемые, понимающие правдивые сообщения как нравственную или рефлексивную правду [12].

Проведенные исследования показали, что стремление хотя бы одного из партнеров обращаться с другим не как с субъектом, а как с объектом, которым можно манипулировать, пагубным образом сказывается на успешности достижения взаимопонимания. Обнаружено, что психологической предпосылкой манипулятивного поведения является высокий уровень выраженности макиавеллизма личности субъекта. Субъекты с высоким уровнем макиавеллизма в общении отличаются коммуникативной негибкостью, ригидностью. Личностными и ценностно-ориентационными основаниями ригидности, препятствующими достижению взаимопонимания, являются “синдром эмоциональной холодности”, низкая эмпатичность, преобладание субъективной значимости

социально-статусных ценностей над моральными, представление об универсальности манипуляции как эффективного способа общения, убеждение в собственном превосходстве, игнорирование психологических особенностей партнеров [15].

Другой психологической предпосылкой предпочтения субъект-субъектного или субъект-объектного типов взаимодействия в коммуникации являются половые и гендерные различия общающихся людей [14]. Люди отличаются не только по полу, но и по степени выраженности маскулинности и фемининности. Последние непосредственно не связаны с биологической половой принадлежностью. Маскулинность и фемининность определяются ролевыми позициями, которые мужчины и женщины занимают в общении, а также ценностными ориентациями, направленностью на несколько отличающиеся системы ценностей.

Естественно, что в жизни маскулинные признаки чаще проявляются у мужчин, а фемининные у женщин. Зарубежные психологи полагают, что для мужчин в целом характерна ориентация на себя, самоутверждение, саморазвитие, доминирование и контроль над партнерами. Для женщин более типична ориентация на других, включающая самоотверженность, заинтересованность в собеседниках и желание быть с ними. В разных сферах жизни мужчины реагируют на поведение других таким образом, чтобы показать свою компетентность или доминирование, в то время как женщины пытаются поддерживать относительную близость. Западные психологи обычно описывают женщин как ориентированных на зависимость, а мужчин – ориентированных на контроль, доминирование. Соответственно, понимание субъектом сообщения зависит от его пола и половой роли. При этом вербальная агрессия, манипуляция и макиавеллизм, присущие маскулинной позиции в общении, оказывают вполне определенное влияние на понимание субъектом сообщений в коммуникации. Сочетание принадлежности к женскому полу и фемининных ценностей предполагает благожелательную и поддерживающую интерпретацию сказанного партнером. Сочетание мужской половой роли с ориентацией на себя и пол источника сообщения предполагает доминирующую и контролирующую интерпретацию [23].

Задачей нашего экспериментального исследования было изучение субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний в межличностном общении с позиций психологии человеческого бытия. В нем было получено три основных результата.

1. Обнаружено, что если у человека отчетливо выражены маскулинные психологические качества, то, как правило, он/она в коммуникативных ситуациях понимает высказывания собеседников по монологическому субъект-объектному типу. Это значит, что такой человек склонен интерпретировать слова партнера как проявление излишней опеки над собой, стремление командовать, манипулировать, показывать свое превосходство. Иначе говоря, он/она подозревает, что другие люди обращаются с ним/ней не как с равноправной личностью, субъектом познания и общения, а как с "вещью", объектом, не имеющим своего внутреннего мира, который следует принимать во внимание и уважать. При выраженности фемининных признаков у испытуемых, напротив, наблюдается исходная направленность на диалогическое общение. Она включает убеждение человека в том, что, если собеседник что-то говорит, то он обращается к нему как равноправному партнеру, подлинному субъекту общения. Неудивительно, что такие люди понимают высказывания других по субъект-субъектному типу.

2. Подтвердилась гипотеза о связи типов понимания высказываний с особенностями личности испытуемых. В частности, чем выше показатель макиавеллизма, ориентация на Я или на работу, профессиональную деятельность, тем с большей вероятностью можно утверждать, что испытуемые будут понимать высказывания по субъект-объектному типу. И наоборот: при высокой ориентации на общение в сочетании с низкой оценкой по шкале макиавеллизма увеличивается вероятность того, что высказывания будут пониматься по субъект-субъектному типу.

3. Преобладание субъект-субъектного или субъект-объектного типов понимания высказывания испытуемым зависит от пола говорящего, т.е. источника сообщения. Когда и испытуемый, и участники диалога являются людьми одного пола, то преобладает субъект-объектное понимание. При чтении и осмыслении диалогов, происходящих в разнополовых парах, последние чаще понимаются испытуемыми по субъект-субъектному типу [14].

* * *

Итак, проведенный анализ показал, что категория субъекта, исследованию которой так много усилий и таланта посвятил Андрей Владимирович Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии и играет в ней системообразующую роль. Благодаря ему, его ученикам и последователям психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. В ее основа-

нии лежат не только убедительные теоретико-методологические доказательства, она имеет и вполне ощутимые эмпирические следствия. Единственное, в чем сегодня ощущается острая научная необходимость, – в творческом развитии психологии субъекта. И надежда на превращение необходимости в реальность есть. Залогом тому служит не только безусловная научная перспективность дальнейшего развития идей психологии субъекта, но и память современных и будущих поколений психологов, в которой надолго сохранится светлый облик Ученого – Андрея Владимировича Брушлинского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 56–74.
2. Барабанищев В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
3. Брунер Дж. Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3–13.
4. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
5. Брушлинский А.В. Психологическая наука – основа гуманизации высшего образования // Развивающаяся психология – основа гуманизации образования. М.: Российское психологическое общество, 1998. В 2-х т. Т. 2. С. 15–17.
6. Брушлинский А.В. Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М: Магистр, 1999. С. 30–41.
7. Брушлинский А.В. Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 6. С. 5–11.
8. Брушлинский А.В. О критериях субъекта и его деятельности // Психология субъекта профессиональной деятельности. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 5–23.
9. Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 9–33.
10. Брушлинский А.В. Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
11. Венцова Т. Поэзия важнее, чем крестовые походы... // Иностранец. 2002. № 24. С. 28.
12. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
13. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 2. С. 7–15.
14. Знаков В.В. Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 144–160.
15. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 45–54.
16. Лабунская В.А., Менджерцкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. М: Академия, 2001.
17. Пелевин В.О. Затворник и шестипалый. М.: ВАГРИУС, 2001.
18. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск: СГУ, 1997.
19. Порус В.Н. Искусство и понимание: сотворение смысла // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. С. 256–277.
20. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
21. Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 184–203.
22. Фридман Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. М.: Класс, 2001.
23. Edwards R. The effects of gender, gender role, and values on the interpretation of messages // J. of Language and Social Psychology. 1998. V. 17. № 1. P. 52–71.
24. Gergen K.J. If persons are texts // Hermeneutics and psychological theory. L.: New Brunswick, 1988. P. 28–51.
25. McAdams D.P. The stories we live by: Personal myths and the making of the self. New York-London: The Guilford press, 1996. P. 27–37.
26. Trzebinski J. Narrative self, understanding, and action // The self in European and North American culture: Development and processes. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 73–88.

PSYCHOLOGY OF THE SUBJECT AS METHODOLOGY OF HUMAN EXISTENCE UNDERSTANDING

V. V. Znakov

Dr. sci. (psychology), professor, deputy chief of IP RAS, Moscow

It is founded that A.V. Brushlinsky elaborated integral, original and formed variant of the subject psychology. Three main statements explicate principled novelty of psychology of the subject: 1) significant extension of activity notion as the factor of mind determination, 2) the transition from microsemantic to macroanalytical method of mind analysis, 3) integral and system approach to dynamic, structure and regulative plans of psychology of the subject. It is shown that psychology of the subject provides methodological basis of empirical researches of human existence understanding, such as differentiation of paradigmatic and narrative understanding of the world; analysis of the subjects of communication self-understanding, self-knowledge and reflection roles in the forming of mutual understanding; sub-ject-subject and subject-object types of utterances understanding; psychological peculiarities of partners in interpersonal communication.

Key words: A.V. Brushlinsky, psychology of the subject, subject-subject and subject-object types of interaction, understanding, self-understanding, psychology of human existence.